

ОФИЦЕР-ТАНКИСТ ВЕРМАХТА ЛЮДВИГ БАУЭР (LUDWIG BAUER) РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕМ УЧАСТИИ В АРДЕННСКОМ СРАЖЕНИИ

Людвиг Бауэр, 2016

Для начала расскажите, пожалуйста, немного о себе и своей карьере военного...

Я поступил на службу в Вермахт 4 февраля 1941 г. и получил назначение в 3-ю роту учебного подразделения *Panzer-Ersatz-Abteilung 33* в городе St. Pölten-Spratzern (Австрия – вероятно, здесь ветеран ошибся: Санкт-Пёльтен и Шпрацерн – два расположенных неподалеку города - ВК), входившего в 33-й Танковый Полк (*Panzer-Regiment 33*). Там я прошел подготовку на различных танках (*Panzer II*, *III* и *IV*) и позднее – специальный курс обучения обязанностям наводчика. После обучения я участвовал в боях на Восточном фронте, получив назначение туда в августе 1941 г. в период операции *Барбаросса*. По неизвестным мне причинам, меня отправили в *Panzerjäger-Abteilung 521* – батальон истребителей танков, укомплектованный самоходными противотанковыми установками *Panzerjäger I*. В принципе, это была чешская противотанковая пушка калибром 47 мм, установленная на шасси танка *Panzer I*. Подразделение было прикомандировано к 3-й Танковой Дивизии. В этой части я прошел боевое крещение. Я принял участие в сражении за Киев, где мы взяли в плен более 650 000 русских пленных и захватили более 3 000 единиц артиллерии и 800 танков. Там было много боев. В октябре, в период операции *Тайфун* – наступления на Москву – наша часть получила четыре новых танка *Panzer II*. Поскольку я ранее проходил подготовку на этой модели, меня назначили наводчиком в один из экипажей. То есть, это был мой первый «настоящий» танк. Нас, в основном, использовали для прикрытия флангов во время крупных атак. Я сражался под Смоленском, Мценском и Тулой, где получил ранение, когда мой танк был уничтожен.

Поправившись после ранения, я вновь получил назначение на Восточный фронт в апреле 1942 г., на этот раз – в 1-ю Роту 33-го Танкового Полка (*1./Panzer-Regiment 33 - 9th Panzer Division*). Рота только что была укомплектована танками *Panzer III* с длинными 50-мм пушками, и я снова стал наводчиком одного из экипажей. Затем я принял участие в сражении за Воронеж – определенно, это был самый опустошительный и тяжелейший момент в моей жизни. Там было даже тяжелее, чем в сражении за Ржев, которое имело место позднее, в том же году...

1 октября 1943 г. я закончил офицерские курсы и получил звание лейтенанта. После этого я получил под свою команду взвод 3-й Роты и принял участие в боях под Кривым Рогом. Трудное было время, день и ночь в танке, отражая одну атаку за другой. Мы оставались в это районе довольно долгое время. В феврале 1944 г. мы сражались рядом с долиной Буга в районе Арнаутовки и, понеся тяжелые потери, переместились на юг, в сторону Одессы, а оттуда в Румынию. В итоге, мы оказались в городе Ним/Nimes, во Франции, где нашей Дивизии было дано время на отдых. Когда союзники высадились в Нормандии 6 июня 1944 г., наша Дивизия была на крупных учениях в районе Arles-Aix (*города Арль и, вероятно, Экс-ан-Прованс на юге Франции – ВК*). Там, [во Франции], и произошли серьезные столкновения с американской 3-й Армией, неподалеку от города Авранш/Avranches в августе 1944 г., хотя господство союзников в воздухе сделало ведение сколь-нибудь эффективных оборонительных боев невозможным. В Нормандии Дивизия потеряла большую часть своих танков и транспортных средств из-за атак противника с воздуха. К концу октября 1944 г., после небольших стычек с врагом в районе Венло/Venlo, наша Дивизия получила подкрепления в городе Айфель/Eifel, и это случилось незадолго до *Сражения за Выступ (Battle of the Bulge – англ.)* или *Unternehmen Wacht am Rhein (нем.)*. Позднее я принимал участие в боях уже на земле Германии в районе города Eifel/Айфель, на Рейне, близ Кельна и в самом городе. Остатки нашего полка были распущены в лесу близ города Iserlohn/Изерлон 16 апреля 1945 г. Через несколько дней я попал в плен к американцам.

В 1946 г. я был освобожден из плена. В 1962 г. я поступил на службу в новую Германскую армию в звании *лейтенант резерва*. Моя карьера военного закончилась в 1975 г., когда я уже был в звании *Generaloberst* резерва.

Вы говорили, что находились в составе 9-й Танковой Дивизии в районе города Айфель в октябре 1944-го. Где конкретно вы были?

Дивизия была на отдыхе и переформировании в районе Waldniel-Eiken (*города Валдниль и Айкен – ВК*). Я хорошо это помню, поскольку неподалеку оттуда запускали ракеты V1. Там впервые за всю войну я увидели их... Потеряв большую часть нашей бронированной техники в Нормандии, мы получили новые машины 30 октября 1944 г. – 2-я и 3-я роты получили танки *Panzer IV*, предполагалось, что моя 1-я Рота получит самоходные орудия, которые прибыли через несколько дней.

Самоходки? В танковом полку? Не было ли это чем-то необычным? Были ли вы недовольные таким решением?

Это были машины, имевшиеся в наличии, но, само собой, мы были этим недовольны. В основном, потому что это означало потерю одного из членов экипажа. В танковом экипаже было 5 человек, в экипаже самоходки – 4. Это был серьезный удар для нас, поскольку мы были крепко сплоченной группой. Там было много споров, но выхода из той ситуации не было. Позднее мы обнаружили, что самоходки *Sturmgeschütz III (далее – Штуг – ВК)* были, на самом деле, более эффективными и безопасными машинами, чем наши танки *Panzer IV*. Потери нашей роты были ниже, чем у других, и мы уничтожили больше машин противника, чем другие роты. Это был превосходный и эффективный боевой инструмент.

Потребовалось ли вам дополнительное обучение, чтобы вести в бой Штуг?

Вероятно, нам нужно было дать время, чтобы привыкнуть к новому «коню», но времени на это не было. У нас, старых танкистов, было много трудностей с адаптацией к переменам. Вообще, машины были очень похожи на танки. Нам нужно было только привыкнуть к ограниченному полю обстрела. Пушка была такой же, как и танка *Panzer IV*, но ее можно было повернуть только на 15 градусов влево и вправо. Если требовалось больше, нужно было поворачивать всю машину. Нам, старым танкистам, казалось наиболее важным пристрелять наши пушки. На это потребовалось бы немалое количество боевых снарядов, но старший офицер отверг нашу просьбу. К тому времени наши машины были хорошо упрятаны в лесу и замаскированы. Полагаю, командование боялось, что шум пушечной стрельбы встревожит противника и спровоцирует атаки с воздуха. Мы все этого боялись.

Самоходка Людвига Бауэра в декабре 1944 г.

Когда вы узнали о предстоящем наступлении и, на тот момент, верили ли вы в то, что эта операция увенчается успехом?

Разрешите мне ответить сначала на второй вопрос! Да! Мы не только верили в это, мы были в этом абсолютно уверены! Я помню, что мы впервые услышали об этом 17 декабря 1944 г. во время инструктажа, проводимого для офицеров. Оберст-лейтенант Вайсс-Кафанке (Oberstleutnant Weiß-Kafanke) употребил слова, который я до сих пор не забыл: «Фюрер просит нас сделать все от нас зависящее, и мы не подведем его. Нам нужно задержать противника примерно на три месяца.» Еще три месяца, и у нас было бы новое чудо-оружие, которое заставило бы противника вступить в переговоры. Я в это верил. Я был настоящим молодым офицером: полным энтузиазма, энергичным и, если взглянуть на это с сегодняшней высоты, слегка туповатым. Мы все в это верили. Едва ли в ротках были какие-либо старшие офицеры: мы все были лейтенантами и оберст-лейтенантами. Все

наши старшие товарищи к тому времени были убиты или ранены... К тому времени средняя продолжительность пребывания офицера-танкиста на войне была примерно 28 дней: за это время его убивали, или он был ранен. В пехоте все было еще хуже: примерно 19 дней. Мы, молодняк, верили Фюреру, верили в *Фатерлянд*. Мы знали, что противник превосходил нас в численности войск, танков, артиллерии. У него были неограниченные возможности в снабжении [всем необходимым], полное господство в воздухе. Однако, верьте мне, когда я говорю: мы все еще знали, что можем побить его на земле в любой момент времени, когда наши шансы более-менее равны и он не может бросить в бой свою авиацию. Мы были обстрелянными солдатами с большим опытом ведения боевых действий в самых трудных условиях. Мы чувствовали, что можем это сделать...

Людвиг Бауэр на фронте

Когда началась ваша Битва за Выступ, и о чем вы хотели бы рассказать?

Одна вещь очень важна. Это может показаться вам дикостью, но я не помню большого числа подробностей о боях в Арденнах. Начиная с последних недель декабря 1944 г. до примерно середины февраля 1945 г., едва ли я вообще вылезал из танка. Мы все время были в бою, и времени на то, чтобы расслабиться и отдохнуть, было совсем мало. Мы покидали машины только по зову *природы*, и даже это иногда делалось в котелок прямо в боевом отсеке. Время на сон измерялось минутами, а не часами. Непрерывный бой, все время начеку, все время в движении... Я помню большие отрезки времени, проведенного в Арденнах, будто во сне. Через какое-то время можно было прийти к выводу, что ты у кого-то на дистанционном управлении. Мы просто функционировали. Трудно описать это кому-то, кто сам это не испытал.

Ну и как вы справлялись со всем этим? Вы что-то принимали, чтобы облегчить себе жизнь?

Вы говорите о *первитине* (*pervitin*)? Нет, ничего этого у нас не было. За всю войну нам давали первитин дважды, и это было в конце 1941 г. и во время боев под Воронежем в 1942–м. После этого я тех таблеток ни разу не видел. Мы были солдатами, мы просто должны были преодолевать все это сами.

В каких местах вы были в бою?

Мы сражались в районе Бастони, Новиля/Noville и Фуа/Foy. Позднее в районе городка Уффализа/Houffalize – там, где в январе были ожесточенные бои. Американская 101-я Воздушнодесантная Дивизия была нашим противником близ Фуа и Уффализа. Тяжелые были бои... очень тяжелые.

Большие были потери?

Да, хотя в нашей роте они были не такими серьезными, как в других. 13 января лейтенант Румпф (Rumpf) был убит в результате прямого попадания в его *Panzer IV*. Я принял на себя командование ротой. Много было погибших, не хочу говорить об этом... Помню, что в ночь на 13 января (с 13-го на 14-е) лейтенант Беккер (Becker) приказал мне повести 1-ю Роту в атаку на Фуа. Сначала она развивалась успешно, но этот успех длился недолго, поскольку пехота не смогла продвинуться вместе с нами. Думаю, фельдфебель Клотц (Klotz) и его экипаж были ранены, когда их танк был подбит. После той атаки мы отступили на позицию между Фуа и Новиль. На следующий день американцы предприняли контратаку силами танков и полугусеничных бронемашин. Я не помню, сколько их было, но мы страшно уступали им в численности. Мы вступили с ними в бой силами шести *Штугов*, и развернулся настоящий танковый бой. – то, что на Западном фронте было редкостью. Мы уничтожили большую часть машин противника, не понеся никаких потерь. В том бою было уничтожено около 15 *Шерманов* и множество бронемашин. Многие из них горели, а между ними на земле остались трупы американских солдат. Вскоре после боя в поле зрения появился американец, размахивающий флагом с красным крестом. Я открыл командирский люк и высунулся из него, чтобы разглядеть ситуацию получше. К этому моменту было видно уже много американских полугусеничных бронетранспортеров и просто грузовиков с красными крестами. Они пытались эвакуировать своих раненых и, чтобы сделать это, всей этой колонне пришлось бы проехать напротив моей самоходки на расстоянии 100-150 метров. Это было весьма необычное зрелище, что для нас, что для американцев. Они ездили туда-сюда, пока все тела не были подобраны, и я припоминаю, что, когда они проезжали мимо меня в последний раз, на подножке одной из машин находился американский офицер. Проезжая мимо, он попытался встать по стойке смирно и отдать мне честь. Это был жест, который произвел впечатление, и я от всего сердца ответил тем же. Однако, когда они скрылись из виду, у меня в животе появилось нехорошее ощущение, какой-то инстинкт подсказал мне, что произошло что-то вызывающее подозрения. Я отдал приказ запустить моторы, и не успели мы отойти на пару сотен метров в сторону Новиля, как на участок, где мы только что находились, обрушился довольно интенсивный артиллерийский огонь противника. Конечно, я ничего не могу доказать, но я до сих пор испытываю неприятные чувства, когда думаю об этом...*

Боевые награды Людвига Бауэра

Какова была ситуация со снабжением? Не было ли в вашем подразделении нехватки топлива или боеприпасов?

Конечно, я знаю, что были тяжелейшие проблемы со снабжением во время *Сражения за Выступ*, особенно когда погода позволила союзникам бросить в бой авиацию. Однако сам я, лично, не испытывал нехватки чего-либо. Припоминаю, что как-то раз наша рота получила приказ сменить подразделение танков *Panzer IV*, которые, я думаю, были из дивизии *Hitlerjugend*, дело было в районе Бастони. Когда мы прибыли на место, у нас было маловато топлива, и к нам подошел гауптштурмфюрер (Hauptsturmführer) из дивизии *Hitlerjugend* и сказал, что каждый из нас может взять в свои баки по 150 литров горючего из их машин. В другой раз, когда я получил приказ атаковать силами своей роты позиции американцев, – уже не помню, где это было, у нас было так мало горючего, что я знал: оно кончится до того, как мы сможем вернуться на свои позиции. Я отклонил этот приказ, что было воспринято без проблем. Боеприпасов всегда хватало.

Против каких боевых машин противника вы вели бои в Арденнах и как бы вы оценили их?

В Арденнах я сталкивался с машинами *Sherman/Шерман* всех видов, с истребителями танков... *Hellcats* или *Wildcats*, с легкими американскими танками, с бронемашинами и полугусеничными транспортерами. Становым хребтом американских танковых частей были *Шерманы*. Это был хороший и боеспособный танк. Особенно для Нормандии, где местность была такова, что бои на больших дистанциях были редкостью.

Штуг в Арденнах

Каким было среднее расстояние боя на этих театрах войны?

Метров 500-600. На этом расстоянии пушка стандартного *Шермана* того периода времени могла эффективно поражать наши *Panzer IV* и *Штуги*. Эти танки были относительно быстрыми, мобильными и, что наиболее важно, их поставляли [на фронт] в неограниченном количестве! Наши пушки были лучше, в целом, они были более мощными и отличались лучшей дальностью прицельной стрельбы. Наши оптические приборы были лучше. С пушкой 75/L48 *Штуга* и *Panzer IV* мы могли поражать противника с расстояния около 1000 м даже без необходимости прибегать к расчету траектории. Ты мог просто навести пушку на цель и стрелять – снаряд попадал туда, куда ты целился. Разумеется, длинная пушка *Пантеры* была даже более эффективной. Они [*Шерманы*] легко загорались после попаданий, и еще одним моментом, который я часто наблюдал у *Шерманов*, было раскалывание брони. Даже попадание по касательной из мощной пушки могло расколоть броню *Шермана*. С нашими танками этого не случалось. Основной слабостью американских танков были..., хотя я должен принести извинения, говоря это, их экипажи.

Горящий Шерман

Как бы вы пояснили это?

Хм, я не люблю говорить об этом, поскольку в нынешние времена людей легко оскорбить. Просто разрешите мне сказать о том, что кое-что из того, что мы делали на Западном фронте, мы никогда не смогли бы сделать на Восточном. Там [на Западе], ... в определенной степени, ну... не хватало... как вам сказать... Дайте мне привести пример. Я видел много раз, как американские экипажи выскакивали из танка после попадания в него. Всего лишь одного попадания! Непроницающего! Это означает, что танк еще в боевом состоянии, а экипаж жив и здоров. На Востоке это было бы просто немыслимо. Некоторые [американские танковые] части дрались яростно, но, в большинстве случаев... ммм...

Близ Кельна я как-то раз наблюдал, как экипаж *Шермана* сдался пехотинцу, который навел на них *панцерфауст*. Он выскочил из окопчика и нацелил свое оружие на танк - тут люки распахнулись, и танкисты выкарабкались наружу. Двигатель все еще работал. Не было сделано ни одного выстрела. Вероятно, это был особенный случай, но, в целом, у американцев не было той ярости и той силы воли, с которыми мы сталкивались на Восточном фронте. Это относится и к их пехотинцам...

То есть, бои на Востоке отличались от боев на Западе?

Да. Все классические доктрины танкового боя, которые мы могли эффективно использовать на Востоке, на Западе не работали. На Западе превосходство союзников в авиации и артиллерии играло решающую роль. Наши ВВС там, в реальности, просто не было. Крупные перемещения в дневное время и по открытому пространству были невозможны, как и маневрирование в бою. Когда бы союзники ни сталкивались с сопротивлением любого вида или даже с ожидаемым сопротивлением, они отходили, ждали подкреплений, в то же время обрушивая на нас артиллерийский огонь и атаки с воздуха. Они были осторожны, я бы сказал, слишком осторожны. С моей точки зрения, ошибочность этой стратегии заключалась в том, что у нас всегда было время на то, чтобы отступить и закрепиться на новых оборонительных позициях. На все это у нас оставалось намного больше времени, чем могло бы...

Как вы оцените немецкие войска на Западном фронте в 1944 – речь идет о недавно сформированных пехотных [Volksgranadier] дивизиях?

Само собой, многие из этих частей были далеки от того, чтобы их можно было назвать элитными, но, поверьте мне, ими не командовали идиоты. Все они могли вести бой вполне

эффективно, если была необходимость. В целом, наша доктрина постановки боевых задач *Auftragstaktik* давала нам преимущество в наземных боях. В германской армии нам говорили, *что* нужно сделать, но не *как* нужно это сделать. Выбор пути достижения успеха оставляли младшим офицерам на передовой. В союзных армиях офицерам говорили, *что* нужно сделать и *как* это нужно сделать, лишая их гибкости в бою, поскольку им приходилось ожидать новых приказов, когда дела шли не так, как планировалось. У нас эта концепция свободы в принятии решений в бою работала на всех уровнях от командующего армией до командира взвода. Награждали за успех, а не за следование приказу. Этому принципу следовали во всех частях германской армии, и, хотя эффективное применение *Auftragstaktik* зависело, в значительной мере, от опыта и уровня подготовки офицеров и солдат, эта концепция оставалась одним из наших основных достоинств. Боевой дух был высок, особенно в обстрелянных частях, таких как наша.

Брали ли вы пленных, и как происходило пленение противника?

Мы были бронетанковой частью, и обычно нам нужно было оставаться в движении. Это означало, что, если мы брали пленных, им приказывали бросить оружие и следовать в наш тыл, пока они не наткнутся на немецкую пехоту. Тогда им полагалось поднимать руки вверх в знак капитуляции. Это был довольно простой процесс. Если вы спрашиваете об этом из-за происшествия с солдатами Пайпера (Peiper) около Мальмеди/Malmedy, разрешите мне сказать вам, что вся эта история выглядит подозрительно. В нашем полку мы не убивали пленных: я сам бы расстрелял любого, кто открыл бы огонь по беззащитным людям. Я встречался с Йоахимом Пайпером во время войны, а после войны подружился с ним, когда он работал в компании *Porsche*, а я – в компании *BMW*.

Арденны: пленные американцы

Говорили ли вы с ним о том, что приключилось под Мальмеди?

Да, часто и подолгу. Разрешите мне просто сказать, что я не видел чего-либо такого в том, что случилось на том перекрестке дорог. И Пайпер не видел. Немало американцев было убито во время короткого боя. Взяли пленных. После того, как их разоружили, танки продолжили движение вперед, тогда как пленных отправили в тыл. Когда другие следовавшие за наступавшими машины прибыли на место, некоторые пленные снова были с оружием. Открыли огонь. Это вкратце то, что мне рассказывал Пайпер. Я бы тоже открыл

огонь по вооруженному противнику. Все мы знаем, что случилось во время судебного процесса, сегодня данные о случившихся фактах находятся в открытом доступе, если кто-то пожелает ознакомиться с ними. Однако люди повторяют историю о Мальмеде снова и снова. Йоахим Пайпер был офицером, который произвел на меня наибольшее впечатление на фоне всех, кого я когда-либо встречал. Очень опытный боец с большой харизмой и сильным характером. Преступления совершались отдельными людьми с обеих сторон. Американцы постоянно расстреливали пленных немцев, но ни один из них не был за это наказан. Будучи единственным родом войск, который носил черную форму и черепа на воротнике, мы отлично знали, что могло случиться с нами, попади мы в руки противника. Еще раз скажу, что об этих фактах легко узнать тому, кто захочет найти данные о них. Это все, что я могу сказать по этому поводу в настоящий момент.

Чтобы разрядить ситуацию – была история, касающаяся пленного американца, которую я никогда не забуду...

Расскажите ее!

Думаю, это было в январе, и опять в районе Фуа. Мне с моей самоходкой приказали охранять перекресток дорог вскоре после боя, который произошел неподалеку. Мы сидели в машине, мой люк был открыт, и мы курили наши последние сигареты, когда услышали стук – кто-то случал по машине камнем или чем-то твердым. Ожидая увидеть немецкого солдата, я встал, выглянул из машины и увидел американского солдата без каски и оружия, говорившего мне что-то по-английски. Я вообще ничего не понял, поэтому позвал моего радиста, который работал до войны в одном из отелей Лондона и свободно говорил по-английски. Он был крайне удивлен, обнаружив, что тоже совершенно не понимает американца! Мы продолжили беседу при помощи жестов, и тут неожиданно попали под огонь американских минометов. Если бы существовала голливудская версия этих событий, в ней я бы, вероятно, сразу же застрелил бы американца. Однако вместо этого мы затащили его в наш тесный боевой отсек. Здесь мы медленно начали понимать друг друга. Американец по-доброму поделился с нами своей пачкой сигарет. Припоминаю, что он был сельскохозяйственным рабочим, но забыл, откуда. Когда обстрел закончился, мы сказали ему, в каком направлении идти и как долго. Ему сказали, чтобы он поднял руки, когда увидит первого же немецкого пехотинца, который и возьмет его в плен.

Когда он исчез в лесу, за нами, я попытался немного поспать. Примерно через час кто-то опять постучал по танку снаружи – это был мой американский приятель. Он пошел по направлению, которое мы ему показали, но так и не встретил немецких пехотинцев. У нас не было возможности возиться с пленным, поэтому, без особых раздумий, я попросил моего радиста сказать парню, чтобы он шел в противоположном направлении, и чтобы он не поднимал руки, когда увидит американцев. Больше никогда я не видел подобной улыбки... Он потопал прочь и больше не возвращался. Я часто думал о том, что с ним случилось дальше...

Были ли у вас потери от атак союзной авиации?

В моем отделении не было, но в других были потери от атак штурмовиков союзников. Был период в рождественские дни 1944 г., когда они были очень активны, и потом опять в середине января.

Примерно в то время я чуть было не погиб. Не могу вспомнить точное местоположение, но опять это было где-то в районе Новиль-Фуа. Было раннее утро, мы продвигались по асфальтированной дороге. Я стоял, высунувшись из командирского люка и, полагаю, не был начеку в той степени, в которой было необходимо. Неожиданно я услышал звук мотора, явно исходивший от самолета. Я взглянул вверх: облака только начинали рассеиваться, и высоко в небе я увидел делавший круги самолет. Он был далеко, или мне так показалось. Мы продолжили движение на большой скорости и, когда мы поднимались

вверх по склону, я почувствовал, что шум мотора стал громче. Как я уже говорил, все мы очень устали и, я полагаю, я каким-то образом потерял чувствительность к происходящему в тот момент. Мы поднялись по склону, затем спустились вниз по противоположному спуску, и буквально мгновения спустя гул мотора оглушил меня. Все это случилось в течение секунд. Вражеский штурмовик пролетел над гребнем за нашей спиной и, клянусь вам, он находился не более чем в 5-6 метрах над землей. Помню, как я завопил: «*Дерьмо! Стой, Карл!/Scheisse! Halt an Karl!*», и мой механик-водитель немедленно среагировал, остановив наш *Шмуг*. В этот самый момент две или три ракеты воткнулись в землю в метре или около того прямо перед нашей машиной. Взрыв был такой силы, что ее переднюю часть приподняло над землей сантиметров на 20-30. Штурмовик, думаю, это был англичанин, прошел у меня над головой так низко, что я уже ждал, что он снесет мне голову... Он пошел вверх и исчез в облаках. Скажу вам, что после этого мы все сразу проснулись...

**Примечание: Возможно, ветеран спутал даты, а может, и просто преувеличил урон, нанесенный его ротой наступающим американцам. В хрониках американских частей, наступавших в секторе фронта Новиль-Фуа к северо-северо-востоку от Бастони, упоминается атака 8 немецких танков и пехоты напротив деревни Фуа в 9.30 утра 14 января, которая вынудила американцев из 506-го Полка 101-й Воздушнодесантной Дивизии отступить. Однако уже утром в Фуа вошли солдаты 1-й Роты 2-го Батальона при поддержке танков, а около полудня солдаты 2-го Батальона заняли деревню Кобрю (Cobru), расположенную между Фуа и Новилем.*

<https://www.506infantry.org/library/photographs/wwii-maps/final-attack/>

Вечером 14-го января танкисты 11-й Танковой Дивизии армии США попали в засаду на окраине городка Новиль, и потеряли, вероятно, несколько боевых машин. Об этой засаде рассказал танкист Тед Хартман (Ted Hartman). Окончательной датой захвата городка Новиль обычно называют 16 января 1945 г.

<http://lubbockonline.com/life/2014-01-19/ted-hartman-went-back-blind-gi-after-fighting-germans>

Оригинальное интервью – Dan Snow и Robin Schäfer. Ганновер, 2016

<https://gottmituns.net/2016/12/23/the-front-is-where-the-tanks-are-knights-cross-holder-ludwig-bauer-remembers-the-battle-of-the-bulge/>

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org